

Воздух за кулисами словно разом выкачали, и он застыл, превратившись в лед.

Все взгляды устремились на внезапно появившегося Цзинь Чэньчжоу — в них смешались страх и изумление, люди даже дышать стали тише.

Чжао Юйчэн был напуган до смерти, его лицо стало бледным, как бумага, а губы дрожали так, что он не мог вымолвить ни слова.

Разве мог он предположить, что его привычка втаптывать Линь Сяньюя в грязь обернется тем, что он попадет прямо в уши самому «владыке ада»!

— Ц-Цзинь, господин Цзинь... я... я не то имел в виду... — заикаясь, пробормотал Чжао Юйчэн, и холодный пот мгновенно пропитал его рубашку на спине.

Цзинь Чэньчжоу даже не взглянул на него. Его взгляд был прикован к Линь Сяньюю, в нем читалось едва уловимое оценивающее внимание, словно он проверял, не обидели ли того.

И только заметив на шее парня приметную цепочку с кулоном, он чуть смягчился.

[О господи! Как здесь оказался Цзинь Чэньчжоу?! Приехал на съемки? К кому? Только не говорите, что ко мне?!]

В голове у Линь Сяньюя царил хаос, сердце колотилось в бешеном ритме — куда сильнее, чем во время выступления на сцене.

[Сколько он слышал? Он что... решил заступиться за меня?]

Эта мысль промелькнула и исчезла, оставив в сердце Линь Сяньюя легкое покалывание, словно его коснулись чем-то горячим.

Цзинь Чэньчжоу, услышав это удивленное и слегка радостное внутреннее признание, почти незаметно улыбнулся уголками губ. Однако, повернувшись к Чжао Юйчэну, он снова стал холоднее льда.

— Не то имел в виду? — неспешно повторил Цзинь Чэньчжоу, делая шаг вперед. Его мощная аура подавляла так, что у Чжао Юйчэна подогнулись колени. — А что же ты имел в виду? Расскажи-ка, слушаем.

Режиссер программы, обливаясь потом, поспешил вмешаться:

— Господин Цзинь, тут недоразумение, чистое недоразумение! Юйчэн просто пошутил над Сяньюем, молодежь ведь, развлекаются...

— Пошутил? — Цзинь Чэньчжоу наконец удостоил режиссера взглядом. Его голос звучал ровно, но в нем чувствовалась тяжесть целой горы. — Мне показалось, он очень серьезно ставил под сомнение людей, принадлежащих мне.

Людей, принадлежащих мне!

Эти слова прозвучали подобно грому, поразив всех присутствующих.

После скандала в отеле все лишь строили догадки, но прямых доказательств не было. Теперь же, когда Цзинь Чэньчжоу признал это лично, ситуация приняла совершенно иной оборот.

У Чжао Юйчэна потемнело в глазах, он чуть не упал в обморок. Линь Сяньюй тоже остолбенел, его щеки предательски вспыхнули.

[Он... он снова сказал «мои люди»! И так уверенно!]

[А-а-а... что мне теперь делать!]

— Господин Цзинь! Я виноват! Я правда осознал свою ошибку! — Чжао Юйчэн больше не мог держаться и зарыдал. — Это мой язык без костей виноват! Я нес чепуху! Сяньюй, прости! Ты человек широкий, прости меня на этот раз!

Он повернулся к Линь Сяньюю, умоляюще глядя на него. Все взгляды снова скрестились на Линь Сяньюе.

Глядя на то, как высокомерный еще минуту назад Чжао Юйчэн теперь дрожит, как перепелка, Линь Сяньюй не почувствовал радости — скорее, неловкость. Ему не нравилось, когда кто-то пользуется своей властью, чтобы подавлять других, даже если защищают его самого.

Он прикусил губу, собираясь что-то сказать, но Цзинь Чэньчжоу, словно прочитав его мысли, опередил его:

— Твои извинения ничего не стоят.

Он обвел взглядом замерших режиссера и продюсера:

— Кажется, вам стоит тщательнее подбирать гостей для программы. Я не хочу больше видеть посторонних людей там, где им не место, — они мозолят мне глаза.

Одной этой фразы, брошенной вскользь, хватило, чтобы фактически поставить крест на карьере Чжао Юйчэна в этом популярном шоу и во всех проектах, связанных с корпорацией Цзинь.

Чжао Юйчэн окончательно обмяк и осел на пол. Режиссер и продюсер, покрывшись холодным потом, закивали:

— Да-да, господин Цзинь, вы правы, мы обязательно усилим контроль!

Цзинь Чэньчжоу остался доволен. Он снова посмотрел на Линь Сяньюя, и его тон стал мягче, в нем даже промелькнуло что-то похожее на... теплоту?

— Закончил?

Линь Сяньюй, еще не пришедший в себя, глупо кивнул:

— ...Да.

— Можешь идти?

— ...Могу.

— Тогда пошли. — Цзинь Чэньчжоу был краток и, развернувшись, направился к выходу.

Казалось, он приехал сюда только ради того, чтобы произнести эти несколько фраз и забрать человека.

Под тяжестью взглядов Линь Сяньюй в растерянности последовал за ним. Чжоу Цзе поспешно схватила его вещи, извинилась перед режиссером и поспешила следом.

За пределами шумного съемочного павильона уже сгущались сумерки. Знакомый черный Майбах ждал у входа. Цзинь Чэньчжоу открыл дверцу и взглянул на Линь Сяньюя:

— Садись.

Линь Сяньюй на автомате нырнул в салон. Цзинь Чэньчжоу сел рядом и скомандовал водителю:

— В апартаменты.

Машина плавно влилась в поток машин. В замкнутом пространстве салона они остались вдвоем. От Цзинь Чэньчжоу исходил едва уловимый аромат кедра, который, смешиваясь с легким запахом пота Линь Сяньюя, создавал странную, двусмысленную атмосферу.

Линь Сяньюй нервничал, не зная, куда деть руки. Сердце все еще колотилось, мысли путались.

[Зачем он приехал за мной? Да еще так демонстративно? Чтобы защитить меня? Это совсем не вяжется с его имиджем холодного босса!]

[И еще... когда он сказал «мои люди»... это было даже немного круто?]

[Тьфу! Линь Сяньюй, приди в себя! Это же «позолоченная пуля»! Капиталисты всегда так скупают души!]

Цзинь Чэньчжоу, откинувшись на спинку кресла, слушал этот поток мыслей маленького лжеца и слегка улынулся.

Шумный, конечно. Но... забавный.

— Сегодня ты был хорош, — вдруг произнес Цзинь Чэньчжоу, и его голос, низкий и бархатистый, заполнил тишину салона.

Линь Сяньюй вздрогнул и резко повернулся:

— А? О... спасибо, господин Цзинь.

[Он видел? Когда он приехал? Сколько успел посмотреть?]

— Сочетание соны и живописи тушью — отличная идея, — Цзинь Чэньчжоу по-прежнему не открывал глаз. — Это умнее, чем просто стоять и петь или танцевать.

Линь Сяньюй широко раскрыл глаза:

[Он похвалил меня? Сказал, что я умный? Солнце сегодня встало на западе?]

Он не удержался и пробормотал:

— На самом деле, это от безысходности. Петь и танцевать у меня и правда не очень получается...

— Использовать свои сильные стороны и избегать слабых — базовое правило выживания, — спокойно ответил Цзинь Чэньчжоу. — А вот лезть на рожон, зная, что не потянешь, — удел глупцов.

Линь Сяньюй: «...» Хоть и грубо, но по сути верно.

[Боссы всегда говорят так философски?]

В машине снова воцарилась тишина, но атмосфера стала менее напряженной. Линь Сяньюй украдкой взглянул на Цзинь Чэньчжоу. Тот сидел с закрытыми глазами, его профиль казался жестким и идеальным, а длинные ресницы отбрасывали тень на щеки. Обычная суровость исчезла, и он выглядел... усталым?

[Он выглядит таким уставшим? Ну да, управлять такой огромной корпорацией — наверняка тяжелый труд...]

Едва эта мысль возникла, как Цзинь Чэньчжоу резко открыл глаза и пронзительно посмотрел на него. Линь Сяньюй, чувствуя себя пойманным с поличным, тут же отвел взгляд, притворившись, что смотрит в окно, а сердце снова забилося в бешеном ритме.

[Напугал до смерти! Чего он глаза открыл?! Неужели заметил, что я паялился?]

Цзинь Чэньчжоу, заметив, как покраснели кончики ушей парня, едва заметно усмехнулся и снова закрыл глаза. Но на этот раз его поза стала расслабленнее.

Машина подъехала к дому. Линь Сяньюй поблагодарил и собрался выходить.

— Линь Сяньюй, — внезапно окликнул его Цзинь Чэньчжоу.

Линь Сяньюй обернулся:

— Что-то еще, господин Цзинь?

Цзинь Чэньчжоу задержал взгляд на кулоне на шее парня и спустя несколько секунд спросил:

— Сценарий к фильму «Безмолвие» Чжоу Цзе тебе передала?

— Да, я как раз читаю.

— Играй хорошо, — тон Цзинь Чэньчжоу стал серьезнее. — У режиссера Чэня высокие требования, не позорь меня.

Линь Сяньюй тут же выпрямился:

— Я приложу все усилия! И не подведу ваших... инвестиций! — он едва не сказал «ожиданий», но вовремя поправился.

Цзинь Чэньчжоу, кажется, тихо усмехнулся — настолько тихо, что Линь Сяньюй решил, что ему показалось.

— Иди.

— До свидания, господин Цзинь.

Глядя, как Линь Сяньюй, словно напуганный кролик, влетает в подъезд, Цзинь Чэньчжоу отвел взгляд и бросил водителю:

— Назад в компанию.

Машина тронулась. Цзинь Чэньчжоу потерял переносицу — он действительно устал. Сегодня у него было важное международное совещание, но он поддался какому-то импульсу и заставил водителя развернуться к павильону.

Почему? Возможно, потому что Тан Чэнь доложил, что там будет Чжао Юйчэн, питающий неприязнь к Линь Сяньюю. А может, просто захотелось увидеть, как этот маленький лжец ведет себя, когда его нет рядом.

Результат его не разочаровал. Сообразительный, умеет пользоваться преимуществом, а еще обладает неожиданной смекалкой и талантом.

Он оказался... куда интереснее, чем Цзинь Чэньчжоу думал.

Что же касается защиты на публике...

Взгляд Цзинь Чэньчжоу потемнел.

Его люди, даже если это лишь временная формальность, не должны терпеть чьих-либо

издевательств.

...

Вернувшись в квартиру, Линь Сяньюй все еще не мог остыть. Он лежал на диване, прокручивая в голове события дня, особенно появление Цзинь Чэньчжоу и каждое его слово. Сердце снова предательски ускорилось.

[Спокойно, Линь Сяньюй! Не забывай, кто ты! Ты всего лишь инструмент! Контрактный любовник! Как только боссу надоест или он перестанет тебя использовать, тебя вышвырнут за дверь! И тогда тебе придется еще хуже, чем Чжао Юйчэну!]

[Да! Именно так! Нельзя поддаваться! Нужно сохранять ясность ума и независимость!]

Он резко сел, глубоко вздохнул и решил занять себя работой. Достав сценарий «Безмолвия», он принялся за изучение. Фильмы режиссера Чэня славились глубиной и вниманием к деталям. Роль малолетнего преступника была непростой: пусть экранного времени немного, но персонаж сложный, с богатым внутренним миром, что стало для Линь Сяньюя серьезным вызовом.

Он так увлекся, что не заметил, как наступила глубокая ночь. Телефон внезапно завибрировал — пришло сообщение в WeChat. Он взял его и замер: снова Цзинь Чэньчжоу.

[J: Докуда дошел в сценарии?]

Линь Сяньюй опешил: босс не спит в такую рань? И его правда интересует, как он работает с текстом?

Он честно ответил: [Дошел до сцены разрыва с матерью, сложно уловить эмоции.]

Отправив сообщение, он немного подождал, думая, что тот спросил просто ради приличия. Но через несколько минут Цзинь Чэньчжоу прислал голосовое сообщение.

Сердце Линь Сяньюя пропустило удар. Дрожащим пальцем он нажал на воспроизведение. Низкий, чуть хрипловатый голос Цзинь Чэньчжоу прозвучал в ночной тишине, став пугающе интимным:

— Ключ к этой сцене не в ненависти, а в разочаровании. Это отчаяние после долгого подавления, когда гаснет последний лучик тепла. Попробуй почувствовать, как это — когда тот, кому ты доверял больше всего, собственноручно гасит твой последний свет.

Линь Сяньюй застыл. Цзинь Чэньчжоу... помогает ему разобраться роль?

Глава огромной корпорации, занятой делами мирового масштаба, глубокой ночью анализирует психологию киноперсонажа? Это пугало его еще больше, чем подаренные особняки и

украшения.

Он переслушал сообщение несколько раз. Голос Цзинь Чэньчжоу словно обладал магией — он действительно помог ему по-новому взглянуть на сцену.

Немного поколебавшись, он нажал кнопку записи и поделился своим пониманием:

— Спасибо, господин Цзинь! Кажется, я начинаю понимать! Это как... как будто ты тянешься к чему-то, что хочешь удержать, а потом понимаешь, что этой руки никогда не существовало? Это чувство пустоты и абсурда?

На этот раз Цзинь Чэньчжоу ответил быстро. Снова голосовое.

В его голосе слышалось едва уловимое одобрение:

— Хорошая интуиция. Уже поздно, отдыхай.

После этого, что бы ни писал Линь Сяньюй, ответа не последовало.

Линь Сяньюй стоял в пустой гостиной перед панорамным окном, глядя на огни ночного города. На душе стало странно: словно что-то заполнило ее, а что-то, наоборот, опустошило.

Сложное, невыразимое чувство разливалось в груди.

Цзинь Чэньчжоу...

Какой он человек на самом деле?

Почти в то же самое время, на другом конце города, Фу Иньянь просматривал материалы, присланные помощниками. Это были фото, сделанные украдкой: Цзинь Чэньчжоу лично приезжает на съемки забрать Линь Сяньюя. Лицо Фу Иньяня потемнело, словно грозовая туча.

Он с яростью швырнул снимки на стол!

— Цзинь Чэньчжоу... ты действительно готов снова и снова попирать достоинство семьи Фу ради этой игрушки!

В его глазах вспыхнул зловещий, ядовитый огонек.

— Прекрасно.

<http://bllate.org/book/18865/1841273>